

Е.Л. Капустина

СПЕЦИФИКА МОБИЛЬНОСТИ И СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ В МИГРАЦИИ: ТРАНСЛОКАЛЬНЫЕ СЕМЬИ ДАГЕСТАНЦЕВ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Внутрироссийская трудовая миграция жителей Республики Дагестан в другие регионы России в постсоветский период нередко приобретает транслокальный характер, когда мигранты одновременно живут в двух и более социальных реальностях, отправляющем и принимающем сообществах, часто удаленных друг от друга на тысячи километров. Транслокальность в значительной мере определяет стратегии и режимы жизни мигрантов, в частности, высокую степень мобильности находящихся в миграции людей и даже членов их семей, не участвующих напрямую в трудовой миграции. Поездки домой, возвращение в место миграции, гостевые визиты членов семьи, отправка детей на учебу, приезд родных для получения медицинских услуг — транслокальная семья почти всегда в движении. Статья посвящена проблеме мобильности и скорости в жизни трансмигранта. В частности, предлагается ответить на следующий вопрос: как часто перемещаются между отправляющим и принимающим сообществами члены транслокальной семьи выходцев из Дагестана, какие факторы и события определяют это перемещение, а также его скорость. Эти вопросы, в частности, будут рассмотрены сквозь призму значения локального отправляющего сообщества для трансмигранта. Помимо этого, интерес представляет восприятие категории скорости трансмигрантами с точки зрения их миграционного опыта, а также влияния на это восприятие релевантных для трансмигрантов ценностных ориентиров и норм. В статье используются полевые материалы автора, собранные в Ханты-Мансийском автономном округе, Московской области и Республике Дагестан, с привлечением других источников.

Ключевые слова: миграция, транслокальность, семья, мобильность, скорость в миграции.

---

¹ Статья написана в рамках работы по теме НИР «Дорога в миграции как элемент транслокального пространства» (МЭ РАН).

E.L. Kapustina

**MOBILITY AND SPEED IN MIGRATION:
TRANSLOCAL DAGESTANI FAMILIES
IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA**

The intra-Russian labor migration of residents of the Republic of Dagestan to other regions of Russia in the post-Soviet period often acquires the character of translocality, when migrants simultaneously live in two or more social realities, often thousands of kilometers apart. Translocality largely determines the strategies and rhythms of life of migrants. Trips home, returning to the place of migration, guest visits of family members, sending children to study, the arrival of relatives for medical services — a translocal family is almost always in motion.

The article is devoted to the problem of distance and speed in the life of a transmigrant. In particular, it is proposed to answer the following question: why, how often and how quickly do members of the translocal family of immigrants from Dagestan move between sending and receiving communities, what factors and events contribute to and impede this movement.

Keywords: migration, translocality, family, mobility, speed in migration.

Трудовая миграция за пределы Республики Дагестан в другие регионы страны уже давно стала важной составляющей социально-экономической реальности современной России [Шабанова 1992; Мудуев 2003; Мкртычян 2003; Капустина 2010]. Одним из значимых направлений для мигрантов из Дагестана стали нефтегазовые центры Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ХМАО). Миграционная привлекательность этого региона очевидна, ведь до кризиса здесь фиксировалось много предложений на рынке труда и высокий уровень заработной платы, при этом регион отличался развитой инфраструктурой, высоким качеством медицинских услуг и региональными социальными выплатами.

В ХМАО чаще всего приезжают жители районов Южного Дагестана, в этническом отношении это лезгины, табасаранцы, кайтагские даргинцы, а также выходцы из северных районов республики — ногайцы, кумыки и русские. Жители Центрального и Западного Дагестана — аварцы, даргинцы — представлены в регионе в меньшей степени.

Мигранты из Дагестана работают не только в нефтегазовом секторе, но и на транспорте, в коммунальном хозяйстве, в сфере услуг и торговли, в бюджетных образовательных и медицинских учреждениях.

Миграция на Север («севером» обычно называют весь Сибирский регион и некоторые регионы Европейского Севера)², как правило, бывает двух типов: вахтовый метод и длительная трудовая миграция, когда мигрант ищет в регионе более или менее постоянную работу и остается на Севере на несколько лет, а то и десятилетий. В статье речь идет именно о практике долговременной миграции из Республики Дагестан в ХМАО. В этих условиях мигрант долгое время проживает в новом населенном пункте, снимает жилье, обустроивает быт. Некоторые члены семьи зачастую присоединяются к нему в миграции, однако не все и не всегда. Да и сам он во многом сохраняет связи с местом отправления, участвует в социальной и экономической

---

² Применительно к реальности ХМАО это слово активно используется как информантами, так и исследователями.

жизни селения, планирует возвращение. Наблюдая практики, принятые в таких семьях, и анализируя актуальные для нее дискурсы, приходится признать, что мигрант и его близкие не могут быть отнесены к той или иной территориальной или социокультурной реальности и существуют словно в нескольких мирах, создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы, и, оседая в новой стране, сохраняют социальную связь со страной своего происхождения. Такие мигранты называются трансмигрантами, а теоретическая концепция, рассматривающая такую миграцию, — транснационализмом (подробнее см.: [Glick Schiller 1992]). Однако в данном случае дагестанскую миграцию корректнее назвать транслокальной. Транслокальность некоторыми авторами рассматривается как частный случай транснациональной миграции, когда между местом отправления и местом миграции нет национальных границ — как в случае с миграцией между Дагестаном и ХМАО. Помимо этого, транслокальность видится как более подходящая линза для исследования, когда анализируются интеракции на локальном уровне, например между двумя населенными пунктами [Smith 2001]. В контексте данного исследования продуктивным кажется именно такая трактовка транслокального подхода, уделяющего внимание в первую очередь локальным сообществам, существующим более чем в одной географической точке, при этом поддерживающим свое единство при помощи сетей, трансфертов и различных форм мобильности. Для дагестанской миграции локальное сельское сообщество крайне важно. Это понятие актуально для местного социума и является важной структурной единицей при рассмотрении дагестанских реалий исследователями. Люди, даже находясь в миграции, часто ощущают или стремятся ощущать себя членами отправляющего сельского сообщества, подчеркивая единство и неделимость этой социальной структуры, а также направляя свою деятельность на обеспечение благосостояния своего родного селения, а не только семейного дома или домохозяйств родственников (подробнее о транслокальности дагестанской миграции и важности локального сообщества для дагестанских мигрантов см.: [Капустина 2017]).

Данная статья посвящена некоторым аспектам миграционных практик трудовых мигрантов из Дагестана, приезжающих в города ХМАО. В частности, предлагается ответить на следующие вопросы: как часто перемещаются между отправляющим и принимающим сообществами члены транслокальной семьи выходцев из Дагестана, какие факторы и события определяют это перемещение, а также его скорость?

В ходе работы над темой транслокальной дагестанской миграции мной было совершено несколько экспедиционных выездов в города ХМАО (Сургут, Пыть-Ях, Нижневартовск, Покачи). Сбор материала велся также в отправляющих сообществах изучаемых мигрантских семей — в Кайтагском, Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизлярском районах Республики Дагестан и в г. Махачкале (2014–2018 гг.). Методологической особенностью можно назвать продолжительность работы с одними и теми же семьями: с несколькими семьями информантов проводилась серия интервью на протяжении нескольких лет. Помимо этого, велись наблюдения и в местах миграции, и в отправляющем сообществах. Статья основана на материалах, собранных в ходе этой работы.

Говоря о мобильности мигрантов, направлении и скорости этой мобильности, стоит учитывать региональную специфику как места миграции, так и места изначального выезда мигрантов. В данном случае речь идет, с одной стороны, о крупных городах нефтегазового центра ХМАО, с другой — о сельских районах Республики Дагестан.

Миграция на Север связана с освоением природных недр, ХМАО в этом плане не исключение. Однако в целом, несмотря на то что ХМАО официально не входит в Арктическую зону РФ, здесь так же, как и на Севере, наблюдаются такие миграционные процессы как возвратная миграция после выхода на пенсию или после определенного стажа работы, длительные выезды за пределы региона во время продолжительных «северных» отпусков. Северяне в целом весьма мобильны, часто выезжают как в места, откуда они выехали или где имеют родственников, так и в отпуск, нередко за границу или на морские курорты России [Болотова 2010; Замятина 2014]. Мои полевые наблюдения показывают, что

выходцы из Дагестана также часто выезжают из северных городов, где они живут и работают, либо по делам, либо отдохнуть и навещать родных. Однако стоит отметить, что на отдых за границу выезжали редкие семьи (и то в последние несколько лет), хотя их доходы вполне это позволяли — в подавляющем большинстве случаев рекреационные выезды дагестанских семей осуществляются в Дагестан.

Итак, дагестанские мигранты в полной мере отвечают общему стереотипу о высокой мобильности северян в течение года и возвратной миграции после определенного периода работы на Севере. Однако их миграция специфична, в первую очередь, в связи с тем, что выезд на отдых и возвратная миграция имеют, как правило, в качестве направления именно Дагестан — практически все мои информанты утверждали, что или они, или члены их семей каждый год приезжают в республику. Последнее обстоятельство объясняется не столько рекреационной привлекательностью Дагестана, сколько наличием тесных связей мигрантов с оправляющим обществом, а именно — масштабом социальных обязательств и заинтересованностью во вложении денег в регион с целью дальнейшей возвратной миграции³.

Говоря о мобильности (ее желательности и скорости), следует иметь в виду и исторические предпосылки к развитию этого явления. Дагестан на протяжении всей своей истории в составе России был трудоизбыточным регионом, особенно страдали от безработицы вследствие малоземелья и других ограниченных ресурсов горные районы республики. В связи с этим его жители достаточно рано и интенсивно были вовлечены в процесс трудовой миграции (исторически — отходничества). Образ горца-отходника, отправлявшегося на заработки по всему Кавказу и во внутренние регионы Российской империи, — классический для дореволюционного Дагестана. Незначительно изменилась ситуация в республике и в советский период — преимущественно за

---

³ Исключения бывают и из этого правила — в частности, некоторые успешные дагестанцы-северяне мигрировали, послали на учебу детей или перевели свой бизнес в Москву, Московскую область, Краснодарский край.

счет административных запретов на выезд отходников из колхозов и закрытия границ, но к 1960-м годам отходничество выходит на новый виток развития. Первые выходцы из Дагестана начали приезжать на нефтегазовый Север уже с начала 1980-х. Однако в середине 1990-х годов трудовая миграция дагестанцев в этот регион приобрела массовый характер, особенно увеличилось число мигрантов в начале XXI в.

Итак, трудовая миграция за пределы родного села и даже региона — исторически характерное для Дагестана социальное явление. Несмотря на это, включение в миграцию тех или иных селений — безусловно, неравномерный процесс: некоторые села мобильны уже более сотни лет, другие присоединились к этому процессу лишь к началу XXI в.

При этом стоит заметить, что в целом дагестанское общество неоднозначно относится к мобильности. С одной стороны, быть коренным, то есть родившимся там, где живешь, в Дагестане очень важно, особенно когда дело касается земельных споров в селе (пришлыми — *апарагами* — могут называться даже не сами переселенцы, а их потомки, уже родившиеся в селении) и при переселении с горных районов на равнину (подробнее о земельных конфликтах см.: [Казенин 2012; Карпов, Капустина 2011]). С другой стороны, общество поощряет отъезд мужчин, особенно молодых, с целью не только заработать денег, но и посмотреть мир, а более всего — показать себя. К примеру, исторически набеговая система в горных районах, помимо экономической выгоды, позволяла участнику набега проявить свое удалство и добыть славу в опасном походе [Карпов 1996: 118]. В современной жизни таким опасным и почетным путешествием для юноши может стать армия, а также вообще любой отъезд из родного села, будь то в столицу республики, другие города Кавказа, Москву или на Север. В интервью с теми, кто выезжал на заработки за пределы Дагестана, мне нередко встречались мотивы «показать себя» (подробнее см.: [Капустина 2010]). Так, к примеру, описывает свое решение отправиться в один из городов ХМАО Руслан⁴: «Я приехал сюда

---

⁴ Здесь и далее все имена изменены.

принципиально. Я жил в Ставрополе, работа была прекрасная, не бей лежачего... Поехал домой (в Дагестан. — Е.К.). Туда из Сургута прилетел одноклассник с другом. Разговорились. Один говорит: “Надо тебе туда поехать”. А другой говорит: “Такие, как ты, там не выживут”. Я говорю: “Такие, как я, везде выживают и хорошо живут. Сколько у тебя было денег, когда ты туда приехал?” “На обратный билет не хватало”, — говорит он. Я также поехал, взял с собой младшего брата и денег, чтобы на обратный билет не хватало... Приехал и начал потихоньку жить. Через год у меня станция техобслуживания была» [ПМА 2011 г., Сургут].

В дагестанской культуре высоко оценивается не только мужская мобильность, но и ее скорость. Рассказы информантов порой изобилуют упоминаниями о скорости, с которой человек преодолевает расстояние: например, приняв решение приехать к любимой девушке или пирующим друзьям, рассказчик описывает, что он тут же собрался, сел в машину в горном селе и через считанные часы уже был на другом конце Кавказа или в столице страны. Обилие лихачей на дорогах республики также подтверждает всеобщее уважение к скорости. В Дагестане даже используется показательное выражение «быть на движениях», которое означает «быть в чем-то активным, что-то предпринимать, куда-то ехать» и даже иметь романтические отношения с противоположным полом. Здесь движение равняется действию (и значение может быть негативным, например, «лишние движения», «неправильные движения» в значении «неправильные поступки»).

Транслокальный режим миграции, когда мигрант и его семья фактически живут на два дома, два общества, значительно удаленных друг от друга, приводит к тому, что на человека давит двойной груз обязательств, ожиданий, реализуется двойной жизненный сценарий. Это делает трансмигранта вынужденно более мобильным, нежели мигранта, не практикующего транслокальный образ жизни в той степени, что характерна для выходцев из Дагестана.

Приведу несколько примеров мобильности дагестанских транслокальных семей, уже несколько лет находящихся в долгосрочной миграции в городах ХМАО. Наблюдения за семьями

позволили сделать вывод, что живущие в ХМАО люди чрезвычайно мобильны, причем исключительно в одном — в домашнем направлении.

Пример 1. Семья Магомедов живет в миграции десять лет. Сначала Магомедов жил один несколько лет, затем женился, сразу перевез семью и поселил в купленную им накануне комнату в общежитии. Позже супруги купили в ипотеку квартиру. За последние пять лет семья выезжала в полном составе в Дагестан три раза: Магомедов не выезжал с семьей тогда, когда его сократили с работы и он полгода не мог найти новую, и тогда, когда ушел со второй работы и занимался частным бизнесом. При этом он несколько раз предпринимал кратковременные выезды в Дагестан, как правило, связанные с женитьбой родственников, когда ему нужно было присутствовать на свадьбе как представителю семьи. Жена и дети Магомедовы ежегодно на три летних месяца выезжают в родное село.

Пример 2. Семья Расулов — родители и четверо взрослых незамужних детей, все живут одной семьей. Сначала переехали мужчины, последние шесть лет с ними живут и женщины (мать и дочь). Выезжают в отпуск раз в год после окончания летнего рабочего сезона у отца семейства. Помимо этого, жена ездит в Дагестан на лечение и по семейным обстоятельствам: болезнь, а потом и смерть сестры и т.п. Дети также часто ездят в республику: кто на учебу — «закрывать» сессию, кто отдохнуть. Дочь два раза выходила замуж, тогда вся семья выезжала на свадьбу в родное селение.

Пример 3. Семья Аминатов каждый год старается выезжать в Дагестан, причем едут часто по очереди — сначала сын с женой и детьми, потом родители, потом незамужняя дочь. При этом муж Аминатов периодически выезжает в Дагестан на короткий срок (несколько дней) на свадьбы или траурные мероприятия.

Мигранты часто увязывают свои ежегодные выезды домой со значимыми для оставшихся членов семьи или сообщества событиями. Характерный пример — свадьбы родственников. Так, семья Магомедовых приехала в 2017 г. именно тогда, когда на полтора летних месяца приходилось порядка десяти свадеб, на которых его семье следовало присутствовать. При этом на свадьбах крайне желатель-

но присутствовать не всем членам семьи, а в основном главам семей, старшим женщинам или молодым людям, которые сами в скором будущем должны вступить в брак. В последнем случае поездка на свадьбу может стать смотринами, особенно для потенциальных невест. Помимо свадьбы, таким поводом поехать в родное село могут стать другие значимые мероприятия — день села, выборы и т.п.

Положение в семейной иерархии, гендер и возраст влияют на частоту и скорость перемещения. Так, мужчины — главы семейств — часто выезжают из места миграции по делам, причем не всегда в Дагестан, тогда как женщины и дети обычно выезжают на отдых и в деловые поездки именно в республику, часто на больший срок, нежели мужья. В транслокальной семье между местом миграции и отправляющим обществом достаточно часто курсируют «семейные курьеры». Нередко их роль берут на себя бабушки и дедушки, постоянно проживающие в Дагестане. Они могут доставлять на Север продукты и одежду, привозить внуков на каникулы и отвозить их обратно, просто регулярно перемещаться между двумя регионами.

На скорость перемещения влияет и их социальная ожидаемость, которая, в свою очередь, зависит от идеальных жизненных сценариев, прописанных для тех или иных социальных ролей. Это также может послужить причиной увеличения скорости в различных обстоятельствах. Например, один из информантов, приехав из миграции в родное село, столкнулся с необходимостью жениться (этого хотел он сам, но еще больше этого ждали от него родственники). Однако приехал молодой человек лишь на две недели. За этот срок его семья организовала три попытки сватовства, последняя увенчалась успехом — и свадьба была сыграна. В итоге за две недели мигрант-северянин смог найти невесту, заключить брак и выехать в место миграции уже с молодой женой. В другой семье также необходимость отъезда в миграцию значительно ускорила обычные сроки подготовки к свадьбе. Семья планировала вылететь из Дагестана после летнего отдыха в один из городов ХМАО, но за несколько дней до вылета к дочери хозяина посватался парень из соседнего села.

Всего за несколько дней семья приняла решение о бракосочетании дочери, купила приданое и сыграла настоящую свадьбу. Дочь осталась с мужем, остальные улетели на Север в тот день, в который и планировали до свадебного переполоха.

Мне неоднократно рассказывали о принятии быстрых решений, особенно когда мигранты находятся в Дагестане, куда приехали на незначительный срок. Есть и специфические жизненные ситуации, которые практически всегда требуют от тех, кто в них попадает, быстрых действий. Характерный пример — похороны. Всех умерших на Севере везут хоронить в Дагестан, при этом стараясь по возможности соблюсти принцип похорон в тот же день или как можно скорее. Здесь достаточно быстро собираются средства на помощь в отправке тела и родственников, родня также выезжает в Дагестан. Но помимо похорон есть много других причин спешно уехать в республику. Например, один мой информант утверждал: чтобы успеть на свадьбу родственника и вернуться в течение оставшихся у него от отпуска нескольких дней, он преодолел на автомобиле расстояние в 3500 км из Сургута в дагестанское село чуть больше, чем за сутки, не останавливаясь на ночлег.

Высокая скорость в миграции может быть следствием нестабильности, пронизывающей жизнь мигрантов в условиях precariousности, которой подвержены многие трудовые мигранты [Кондаков 2016], усиленной дискриминации и неявной кавказофобии, которые вопреки оптимистичным отчетам местных чиновников все же наблюдаются в городах ХМАО и влияют на прием на работу, обустройство быта и безопасность жизни выходцев из Дагестана (см.: [Капустина 2015; Соколов 2016]). В этих условиях в принимающем обществе становится очень важна поддержка земляческих сетей, в частности возможность собрать помощь (финансовую, правовую или силовую) для себя или откликнуться на зов помощи другого. Как уже было сказано, земляческая сеть может быстро собрать значительную сумму на отправку тела умершего для его захоронения на малой родине. Приведу еще один пример быстрой мобилизации: информант, работающий в Сургуте, утверждал, что он в случае опасности за десять минут через социальные сети

может собрать несколько десятков, а за полчаса — более сотни земляков, живущих в этом регионе и готовых оказать ему силовую или правовую поддержку.

В результате можно отметить, что транслокальный характер жизни информантов, характеризующийся тем, что мигрант и его семья проживают одновременно в двух географических, социальных и культурных пространствах, провоцирует людей на перемещения. Так или иначе, если жизнь в отправляющем сообществе важна мигранту, этих перемещений сложно избежать. Значимые для сообщества и индивида события — сельские свадьбы, похороны, реже — дни села, выборы, другие общественные мероприятия — побуждают трансмигранта к движению, определяют время приезда и регулируют его скорость, продолжительность выезда. От мигранта могут потребоваться мгновенные действия в месте миграции, обусловленные его связью с отправляющим сообществом и земляками в месте миграции. В частности, некоторые семейные события вызывают культурно обусловленные быстрые действия.

Поездки домой, возвращение в место миграции, гостевые визиты членов семьи, отправка детей на учебу, приезд родных для получения медицинских услуг — транслокальная семья почти всегда находится в движении. Этот вопрос, в частности, был рассмотрен через призму значимости локального отправляющего сообщества для трансмигранта. Помимо этого, интерес представляет восприятие категории скорости трансмигрантами с точки зрения их миграционного опыта и влияния на это восприятие релевантных для трансмигрантов ценностных ориентиров и норм.

Источник

Полевые материалы автора 2011, 2015–2018 гг.

Библиография

Болотова А.А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 178–188.

- Замятина Н.Ю.* Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5 (97). С. 189–208.
- Казенин К.* Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Издат. дом «Регнум», 2012. 176 с.
- Капустина Е.Л.* Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 1. С. 24–32.
- Капустина Е.Л.* О транслокальности и дискриминации (постсоветская миграция дагестанцев в Западную Сибирь) // *Вестник Орловского государственного университета*. Сер. «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 12. С. 299–302.
- Капустина Е.Л.* Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 26–34.
- Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: история, социокультурные и этнополитические результаты. СПб., 2011.
- Кондаков А.А.* Интеграция трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге: взаимодействие социальной политики и общественных инициатив: автореф. канд. дис. СПб., 2016.
- Мкртычян Н.В.* Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // *Мир России*. 2003. № 2. С. 151–164.
- Мудуев Ш.С.* Миграция и рынок труда в Дагестане // *Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты* / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2003.
- Соколов Д.* Роль «Совести» в нефтегазовой политике. URL: http://kavpolit.com/articles/rol_sovesti_v_neftegazovoj_politike-7452/ (дата обращения: 20.08.2016).
- Шабанова М.А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // *Социологические исследования*. 1992. № 4. С. 52–62.
- Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C.* Towards a transnational perspective on migration. N.Y.: *Annals of New York Academy of Science*, 1992. 259 p.
- Smith M.* *Transnational Urbanism. Locating Globalization*. Malden: Massachusetts, 2001.